

Е.П.БЛАВАТСКАЯ О Л.Н.ТОЛСТОМ

(Фрагменты статьи «Наука жизни»)

Что такое жизнь? Сотни глубочайших философов, множество учёных и опытных врачей задавало себе этот вопрос, но практически безрезультатно.

«То, что есть, это то, что будет; и то, что было, уже названо – и известно, что это ЧЕЛОВЕК», – таков ответ на загадку Сфинкса. Но «человек» в данном случае не имеет отношение к физическому человеку, – во всяком случае, не в его эзотерическом значении. Скальпели и микроскопы могут раскрыть тайну материальных частей оболочки человека: они никогда не смогут прорезать окно в его душу, чтобы открыть хотя бы малейшее пространство на любом из более обширных горизонтов бытия.

И только те мыслители, которые, следуя дельфийским предписаниям, познавали жизнь в своих внутренних личностях, те, кто тщательным образом изучил её в самих себе, прежде чем попытаться проследить её и проанализировать её отражения в своих более внешних оболочках, были вознаграждены некоторым успехом. Подобно огненным философам средневековья, они перепрыгивали через видимость света и огня в мире следствий и сконцентрировали всё своё внимание на обретении тайных сил. Затем, прослеживая их до единственной абстрактной причины, они попытались постигнуть ТАЙНУ, каждый из них настолько, насколько это позволяли сделать его интеллектуальные способности. Таким образом, они установили, что 1) кажущийся живым механизм, называемый физическим человеком, это лишь топливо, материал, которым питается жизнь, чтобы проявить себя; и 2) что благодаря ему внутренний человек получает в качестве платы и вознаграждения возможность накапливать добавочные переживания земных иллюзий, называемых жизнями.

Одним из таких философов сегодня безусловно является великий русский романист и реформатор, граф Лев Николаевич Толстой. Сколь близки его взгляды к эзотерическим и философским учениям высшей теософии мы увидим, внимательно ознакомившись с некоторыми фрагментами из лекции, прочитанной им в Москве перед местным Психологическим обществом.*

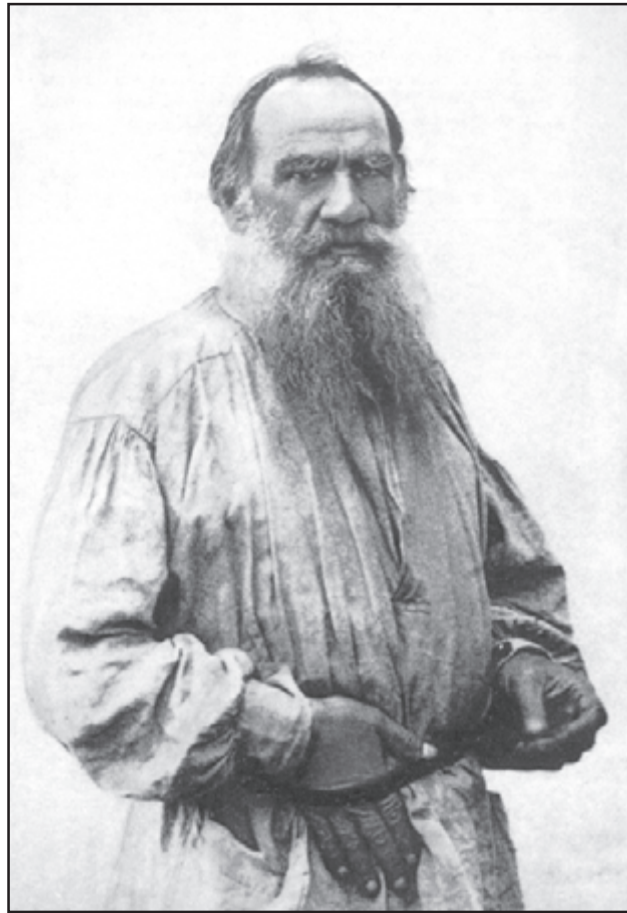
«Этот вопрос, неотделимый от идеи жизни, состоит не в том, откуда жизнь, но почему человек должен жить именно этой жизнью: и лишь начиная с этого вопроса, можно надеяться на приближение к решению проблемы бытия.

Ответ на вопрос, «почему мы должны жить?», выглядит для человека столь простым, что он едва ли посчитает его заслуживающим внимания, если коснётся его.

...Следует жить наилучшим образом, насколько это возможно, – вот и всё. Это кажется на первый взгляд очень простым и всем известным, но это совсем не столь просто и известно, как можно себе вообразить...

Идея жизни вначале предстаёт перед человеком как наиболее простое и самоочевидное дело. Однако как только человек начинает поиски этой жизни в любом месте так называемого тела, он сразу же встречается с непреодолимыми трудностями. Жизнь находится не в волосах и не в ногтях; не в ногах и не в руках, которые могут быть ампутированы; она не в крови, не в сердце и не в мозге. Она повсюду и она нигде. Дело обстоит так: жизнь не может быть найдена ни в одном из мест своего пребывания. Затем человек начинает искать жизнь во времени; и опять-таки, это выглядит сперва очень простым делом... И всё

*См. полностью: Толстой Л.Н. Понятие жизни. Реферат в Московском Психологическом обществе, 1887г. // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т.26. – М., 1936.

Л. Н. Толстой. 1892 г.

же опять, он начнёт свою погоню не раньше, чем поймёт, что дело здесь снова обстоит намного сложнее, чем он полагал. Я прожил уже пятьдесят восемь лет, так утверждает церковная запись о моём крещении. Но я знаю, что из этих пятидесяти восьми лет я проспал свыше двадцати. Как же тогда? прожил ли я эти годы, или же нет? Отнимите те месяцы, когда моя мать была беременна мною, а также те, которые я провёл на руках моей няньки, – не назовёте ли вы и это время также жизнью? Опять-таки, об оставшихся тридцати восьми годах я знаю, что добрую их половину я проспал, переезжая с места на место; таким образом, я не могу больше сказать в этом случае, жил ли я в течение этого времени, или нет. И снова человек обнаруживает, что во времени, как и в теле, жизнь есть повсюду, и всё же нигде. И теперь естественно возникает вопрос: откуда же тогда эта жизнь, которую я не могу нигде обнаружить? – ...нам следовало вести эти поиски не в пространстве и не во времени, не как поиски некой причины или следствия; нам следовало искать нечто распознаваемое внутри себя, совершенно отличное от пространства, времени и причинности.

Всё, что остаётся нам в таком случае – это самопознание. Но как я распознаю жизнь в себе самом?

Вот как я познаю её. Для начала я знаю о том, что живу; и что я живу, желая для себя всего, что хорошо, и хочу этого с тех пор, как я себя помню, и по сей день, и с утра до вечера. Всё то, что живёт вне меня самого, важно в моих глазах, но лишь в той степени, насколько оно способствует созданию того, что создаёт моё благосостояние. Вселенная важна на мой взгляд только потому, что она может принести мне удовлетворение.

Между тем, с этим моим знанием о моём существовании связано и кое-что ещё. Я чувствую, что неотделимо от жизни и другое знание, тесно связанное с ней; а именно, что помимо меня самого, я окружен целым миром живых созданий, обладающих, как и я сам, тем же самым инстинктивным пониманием своих собственных целей, которые чужды мне; что эти создания не знают и не стремятся узнать ничего о моих претензиях на некую исключительную, особенную жизнь, и что все эти создания, чтобы достигнуть успеха в своих целях, готовы в любой момент уничтожить меня. Но это ещё не всё. Наблюдая умирание созданий, во всём похожих на меня, я также знаю, что и меня в том числе – это прекрасное МЕНЯ, единственное, в котором представлена жизнь – также ожидает скорое и неизбежное разрушение.

Всё это выглядит так, как если бы в человеке было два «Я»; и они никогда не могли жить вместе в мире; как если бы они находились в вечной борьбе, и всегда пытались изгнать одно другое.

Одно «Я» говорит:

– Я одно живу, так как должно жить, всё же остальное лишь кажется, что живёт. Поэтому весь *raison d'être* [смысл] вселенной состоит в том, чтобы было удобнее жить этому Я.

Другое «Я» отвечает:

– Вселенная существует вовсе не ради тебя, но для своих собственных задач и целей, и она мало озабочена тем, чтобы знать, счастливо ли ты или нет.

Жизнь после этого омрачается!

Одно «Я» говорит:

– Я хочу лишь удовлетворения всех моих желаний и потребностей, и именно для этого мне нужна вселенная.

Другое «Я» отвечает:

– Все животные живут лишь ради удовлетворения своих желаний и потребностей. Эти желания и потребности животных удовлетворяются за счёт других животных и с ущербом для них; отсюда и бесконечная борьба между животными видами. Ты – животное, и потому ты должно бороться. И всё же, сколь бы ни преуспело ты в своей борьбе, остальные борющиеся создания рано или поздно одержат над тобой верх.

Становится хуже! жизнь наполняется кошмаром...

Но самое ужасное то, что одно «Я» говорит:

– Я хочу жить, жить всегда.

А другое «Я» на это отвечает:

– Вне всякого сомнения, ты можешь умереть через несколько минут, как умрут также и все те, кого ты любишь, ибо и ты, и они – все вы претерпеваете разрушение с каждым движением ваших жизней, приближая таким образом всё ближе страдания, смерть, всё то, что ты так ненавидишь и чего боишься больше, чем чего бы то ни было.

Хуже уже некуда...

Изменить такое состояние невозможно... Можно не двигаться, не спать, не есть, даже не дышать, но никто не может не думать. Я думаю, и эта мысль, моя мысль, отравляет жизнь мне, как некой личности, на каждом шагу.

Человек может начать сознательную жизнь не раньше, чем это сознание станет повторять ему непрестанно, без передышки, снова и снова, одну и ту же вещь.

– Жить той жизнью, которую я вижу и чувствую в своём прошлом, жизнью, которую ведут животные и многие люди, жить таким образом, благодаря которому ты стал тем, кто ты есть сейчас, – дальше невозможно. Если бы ты попытался сделать это, ты никогда бы не смог избежать борьбы со всем миром созданий: которые живут также, как и ты – ради своих личных целей; и в дальнейшем эти создания неизбежно убьют тебя...

И с этим ничего не поделаешь. Остаётся лишь одно, и это всегда приходится делать тому, кто, начиная жить, переносит свои цели вовне самого себя и стремится достигнуть их...

Но сколь бы далеко не поместил он их от своей личности, как только его ум проясняется, никакая их этих целей не сможет его удовлетворить.

Меня могут спросить: где же тогда начинается жизнь, и где её конец? Где кончается ночь, и где начинается день? Где на морском берегу кончатся владения моря, и где начинаются владения суши?

Есть день, и есть ночь; есть суша, и есть море; есть жизнь, и есть отсутствие жизни.

Наша жизнь, как только мы начинаем осознавать её, – это подобное маятнику движение между двумя крайностями.

Одна крайность – это некое абсолютное безразличие к жизни бесконечной вселенной, энергия, направленная только на удовлетворение потребностей своей собственной индивидуальности.

Другая крайность – это полный отказ от этой индивидуальности, величайшая забота о жизни бесконечной вселенной, в полном согласии с ней, перенос всех наших желаний и доброй воли с себя самого на эту бесконечную вселенную и все создания, которые находятся вокруг нас*.

Чем ближе к первой крайности, тем меньше жизни и счастья, чем ближе ко второй – тем больше жизни и счастья. Поэтому человек всё время движется от одной цели к другой, то есть, он живёт. ЭТО ДВИЖЕНИЕ И ЕСТЬ САМА ЖИЗНЬ.

И когда я говорю о жизни, знайте, что представление о ней неразрывно связано в моей концепции с идеей сознательной жизни. Мне, как и любому другому человеку, неизвестна никакая иная жизнь, кроме сознательной.

Мы называем жизнью – жизнь животных, органическую жизнь. Но это вовсе не жизнь, а лишь определённое состояние или условие жизни, проявляющейся в нас.

Но что же такое это сознание или разум, необходимость которого исключает индивидуальность и переносит энергию человека вовне и в то состояние, которое считается нами блаженным состоянием любви?

Что такое сознательный разум? Чему бы не могли мы дать определение, мы должны определить это нашим сознательным разумом. Следовательно, чем же мы будем определять разум?..

Если мы должны давать определение всему нашему разумом, из этого следует, что сознательный разум не может быть определён. И все же все мы не только знаем его, но это единственное, что дано нам знать несомненно...

Это тот же самый закон, как закон жизни всего органического, животного и растительного мира, с той лишь разницей, что мы видим осуществление разумного закона в жизни растения. Но закона сознательного разума, которому мы подчиняемся, как и дерево подчинено своему закону, мы не видим, но исполняем его...

Мы определили, что жизнь – это то, чем наша собственная жизнь не является. Именно здесь глубоко зарыт корень ошибки. Вместо изучения той жизни, которую мы осознаем внутри себя, безусловно и несомненно, – чтобы обдумать её, мы наблюдаем то, что лишено наиболее важного фактора и способности нашей жизни, а именно, разумного сознания. Поступая таким образом, мы ведём себя как человек, который пытается изучить предмет по той тени или отражению, которое он отбрасывает.

Если нам известно, что частицы вещества подчиняются во время своего преобразования деятельности организма, мы знаем об этом не потому, что мы наблюдали или изучали это, но просто потому, что мы обладаем неким сходным организмом, объединённым с нами, а именно, нашим животным организмом, который столь хорошо нам известен как материя нашей жизни; то есть, тот, именем которого мы называемся, чтобы работать и управлять, подчиняя его закону разума...

* Короче говоря, это как раз то, что для теософов означает «прожить данную жизнь».

